

Ещё секунду назад это был живой человек, а теперь он превратился в чудовище с заострённым и длинным клювом.

Видя, как впереди стоящий птичечеловек с широко открытым ртом бросается на него в прыжке,

Лэ Цзиньюй одновременно задействовал обе руки, и между ними тихо заструились элементы воды и огня.

Именно в этот момент Печать Темного Ангела на лбу Лэ Цзиньюя внезапно ярко вспыхнула.

Сосредоточив духовную силу до предела, Лэ Цзиньюй услышал голос, доносящийся из его Мори Души:

— Девятикратное испытание: первая ступень — активация Трехединой Боевой Души.

Думать было некогда.

Лэ Цзиньюй по-прежнему был полностью сосредоточен, готовясь встретить нападающего с человеческим телом и птичьей головой.

В момент столкновения Лэ Цзиньюй силой смешал обе стихии вместе.

Огромная сила отталкивания непрерывно терзала его левую и правую руки.

Раньше он всегда осмеливался управлять лишь одной стихией, потому что стоило ему одновременно задействовать две,

как ци внутри его тела становилось хаотичным и буйным.

Его собственное тело словно делилось пополам: одну сторону занимала вода, а другую — огонь, и приходилось удерживать хрупкий баланс.

Он обнаружил эту проблему ещё тогда, когда возвращался из Крайнего Севера, и провёл множество экспериментов.

Но каждый раз его духовной силы хватало ровно на то, чтобы контролировать лишь одну стихию.

Стоило высвободить обе одновременно, как скрытая по центру человеческого тела граница между водой и огнем разрушалась.

Вода и огонь начинали пересекаться и взрываться прямо внутри него.

Завидуемая всеми двойная боевая душа в его исполнении превратилась в бесполезный хлам.

— Эх...

Но он никак не ожидал, что эта бесполезная особенность сегодня сослужит ему огромную службу.

Насильственное слияние водной и огненной стихий многократно увеличивало разрушительную силу.

Нанести врагу тысячу ударов ценой потери восьми сотен собственных.

Но когда личность противника оставалась неясной, иного выхода не было.

Пока Лэ Цзиньюй накапливал силы, чудовищная сила отталкивания от слияния воды и огня вызывала ощущение, будто его внутренние органы разрываются на части.

— Ближе... ещё ближе...

Как только они соприкоснулись,

Печать Темного Ангела на лбу Лэ Цзиньюя вновь озарилась ослепительным светом.

Вперед вычертился темный след.

Тёмный Святой Меч мгновенно оказался перед Лэ Цзиньюем.

Сфера из стихий воды и огня, которую Лэ Цзиньюй только что объединил, словно подчинилась руководству Святого Меча.

Сфера взорвалась прямо у темной рукояти,

превратившись в жидкость цвета ледяного пламени, которая начала растекаться вверх от рукояти.

Тёмный Святой Меч, излучая тяжелое и жуткое сияние, наотмашь преградил путь Лэ Цзиньюю.

В этот момент он уже не видел, что стало с тем птичеловеком.

Окружающая гравитация начала стремительно возрастать в геометрической прогрессии.

Теперь Лэ Цзиньюй чувствовал лишь то, что не может сдвинуться с места, а его ноги намертво прикованы к земле.

Обзор спереди полностью заслонило сияние Святого Меча.

Было видно, как жидкость цвета ледяного пламени постепенно течет к самому кончику клинка.

Плотные и замысловатые выемки и руны на поверхности Тёмного Святого Меча постепенно заполнялись перетекающей жидкостью ледяного пламени.

Свет Тёмного Святого Меча перестал быть чисто темным — в нем проступал синий оттенок, причем не предельно синий, а бледно-голубой снаружи и глубоко-синий внутри.

Внутреннее свечение цвело несравненными красками, словно огонь поджёт саму воду.

Поверхность Святого Меча, пропитанная жидкостью ледяного пламени, окрасилась в совершенно иной цвет.

Неровные, переплетенные узоры тоже перестали быть просто черными.

Когда кончик меча полностью покрылся жидкостью,

Святой Меч снова озарился ослепительным светом, и мощная аура мгновенно хлынула наружу, сделав меч своим эпицентром.

Свирепая энергия, исходившая из этого центра, мгновенно разлетелась во все стороны.

— Грохм...

Ослепительные цвета резали Лэ Цзиньюю глаза, не позволяя приоткрыть их даже на малейшую долю.

— А... А-а-а!!!

Вслед за звуком взрыва

пронзительный птичий крик пронесся по небесам.

Мучительный рёв смешался с предсмертным стоном.

— Бах...

Звук взрыва ударил вновь.

Огромная волна жара мгновенно окутала Лэ Цзиньюя.

Инстинктивно прижав руки к груди, Лэ Цзиньюй замер в полуприседе,

приготовившись к отражению атаки.

Однако ожидавшаяся боль так и не пришла.

Напротив, налетел мощный толчок.

Потеряв равновесие,

он качнулся, и его левая рука невольно уперлась вбок.

...

— Эй! Ты что делаешь?! Осторожнее!

Раздался знакомый голос.

Инстинктивно открыв глаза и глядя влево, он испытал внутреннее потрясение.

В этот момент его левая рука упиралась в деревянный борт повозки, а правая нога стояла в небольшой ямке.

Вокруг по-прежнему простиралась та самая темная улочка.

Мимо всё так же проезжала повозка.

Он по-прежнему слышал знакомый голос возницы.

И всё ту же знакомую соломенную шляпу.

Лэ Цзиньюй инстинктивно повернул голову влево, прямо встретившись взглядом с лицом возницы.

На охапке сена сидел только он один.

Сейчас тот смотрел на Лэ Цзиньюя с явным гневом.

Его смуглое лицо было иссечено старческими морщинами, а складки на лбу отчетливо выделялись в отражении лунного света.

— ????

В голове Лэ Цзиньюя заглавными буквами выстроились знаки вопроса.

Что это вообще такое?!

Разве так бывает?

Быть не может!

Неужели галлюцинация? Но только что увиденное было до жути реальным.

Он снова внимательно посмотрел на возницу, уставившись на него секунды две-три.

— Эй, ты идешь или нет?!

Возница выглядел всё более раздраженным.

Его громкий голос заставил ночных птиц в небе отойти перекличкой.

— О-о-о, иду... иду... извините.

В голове у Лэ Цзиньюя по-прежнему было пусто, он еще не успел прийти в себя за столь короткое время.

Но, глядя на серьезное выражение лица возницы, он чувствовал себя полным дураком.

Делать было нечего, оставалось только извиниться, решив для начала убраться отсюда.

Так они и разошлись бок о бок.

Без всяких происшествий.

Когда Лэ Цзиньюй дошел до того самого поворота, где раньше встретил повозку, он даже специально оглянулся.

Увы, ничего не было видно — лишь в тусклом лунном свете темнел силуэт удаляющейся повозки.

Никаких других следов.

Лэ Цзиньюй завернул за угол и скрылся на узкой тропинке.

В этот момент

на дорожке.

Осел тянул повозку, груженую сеном.

Среди травы брызнула свежая кровь, и возница легко стер кровь, стекавшую с уголка рта.

— Этот парень оказался духовным мастером! Но что же это за сила была сейчас?!

Грудь возницы тяжело вздымалась, а взгляд сделался ледяным.

Его прежнее лицо постепенно стиралось, и изборожденная морщинами смуглая физиономия превратилась во что-то совершенно иное.

— Хе-хе, позволь тебе умереть чуть позже.

— Впереди деревня... это и станет твоей могилой.

Осел продолжал идти.

Если взглянуть на осла сзади в лунном свете,

можно было смутно заметить, как в просветах под охапкой сена, укрытые им, проступают целых шесть ног.

По мере того как повозка покачивалась на ухабистой дороге, доски, нагруженные сеном, невольно подпрыгивали.

Шесть ног тоже хаотично двигались в такт движению повозки, покачиваясь и раскачиваясь из стороны в сторону.

То и дело они показывались из-под сена и снова скрывались... то показывались, то исчезали.

Безжизненно повиснув...

Прим. пер.: Спасибо всем за огромную любовь, почитайте другие новеллы. Люблю вас.

<http://bllate.org/book/19216/1886482>